

въ многообразіи номенклатуръ всё простыхъ, человѣческихъ слова. Всё современные споры происходятъ не по существу, да и не можемъ мы по существу спорить. Споры отъ взаимнаго непониманія номенклатуры. Два лагеря спорять о „*Логосъ*“. Одинъ лагерь соединяетъ съ *Логосомъ* одну реальность, другой—другую. Оба лагеря видятъ нереальность *Логоса* у противниковъ. Между всёми нами встала параллельность проспектовъ Вавилона современной культуры, согласно плану котораго я отдѣленъ навѣки глухою стѣной отъ близъ меня проходящихъ теченій жизни. Идя по проспекту искусства, переживаю я въ сущности то же, что переживаютъ параллельно шествующіе со мной братья. Но произнеси я вслухъ итоги моихъ исканій, тотъ итогъ облакается въ номенклатуру искусства; и глухая стѣна отдѣляетъ меня отъ мнѣ подобныхъ.

И Толстой, не искушенный въ опытѣ номенклатуры, обращалъ слова свои къ раздѣленному *міру сему*. И разложенныя методологической призмой, его слова приобрѣтали многосмысленный смыслъ. И онъ мучился многосмысліемъ изреченной правды своей, не понимая, что *многосмысліе* правды той исходило отъ него самого. Въ глубинѣ своего индивидуальнаго опыта Левъ Толстой стоялъ на точкѣ пересѣченія путей, не понимая, что точка эта не имѣетъ мѣста въ современной культурѣ. Современная культура опредѣляла единую правду Толстого въ терминахъ многообразныхъ, методологическихъ правдъ. И съ точки зрѣнія этихъ правдъ она ставила Толстому каждое *мыко въ строку*. Съ точки зрѣнія рациональности толстовскаго интеллекта ученіе о человѣчности (а не божественности) Христа конечно было для самого Толстого чѣмъ-то периферичнымъ относительно неслышимого переживанія его жизни во Христѣ. То, что онъ говорилъ о Богѣ, могло не быть подлиннымъ по отношенію къ тому, что онъ могъ внутренне знать. И вотъ Толстой отлученъ отъ Церкви. То, что онъ говорилъ о искусствѣ, не выражало и сотой доли подлиннаго его знанія о томъ, что такое искусство. И вотъ Толстой изгнанъ изъ проспекта современной эстетики. Также оказывался онъ изгоняемымъ отовсюду не посколькы онъ молчалъ, а посколькы говорилъ. Въ желаніи разсказать неслышанное Толстой изгнанъ: тутъ онъ за предѣломъ досягаемости. Но за предѣльный современности и подлинный смыслъ исканій Толстого, толстовскаго молчанія, роднитъ съ нимъ изгоевъ всего міра.